Андрей РАСТОРГУЕВ

ЗАПОЛЯРНОЕ СЧАСТЬЕ АНДРЕЯ ПОПОВА

Поэзия как способ выживания на вечной мерзлоте

Нет, что бы там ни говорили защитники разностороннего и гармоничного образования, а уроки литературы в отечественной школе и впрямь надо извести. Ведь, научаясь на них чувствовать и размышлять, самые чуткие и умные из школьников сами становятся поэтами и философами. А зачем, скажите, каждому из наших провинциальных и зачастую полузаброшенных городов по несколько поэтов и философов? Они и в кипящей довольным благополучием Москве никому особенно не требуются. Зачем же плодить осознающих свою ненужность и потому несчастных людей?

Вот и страницы стихотворных сборников воркутинца Андрея Попова особым довольством не дышат. Его лирический герой с ироничным скепсисом воспринимает даже обещание цыганки: «*…слова мои сбываются,// счастливым будешь.// – Вот еще несчастье…*».

Это для заехавшего на пару-тройку дней гостя сияющий огнями горняцкий город в предгорьях Полярного Урала, который доедающие Средний и Южный Урал рудознатцы в скорой перспективе хотят сделать промышленным – экзотика. Аборигену же, каковым является альтер-эго Попова, заснеженная почти весь год ровная округа с кое-где торчащими над ней копрами шахт навевает совсем другие ощущения: «*Зима.// И снова зима.// Бесконечная зима.// И в душе никакой природы.// Одни идеи…*».

Что ж, если считать стихи самым честным духовным отражением, то природы в душе поэта и впрямь немного. Воркутинское небо словно «*постелили над порогом вытирать грязные шляпы и головы*». А когда автор пытается начать разговор о тундре, «*не скупясь на высокие чувства*», строка, по его собственному признанию, не движется. «*Я – дитя клочковатых полян// и живу в этой скудной природе,// утопаю во мхах и снегу,// потому и молчать не могу…// А сказать ничего не выходит…*». И только «сельский рай» в придуманной им деревне Большие Колпаны автору удается живописать вполне явственно: «*…В деревню! Там отрада,// прохлада и жара.// Там сразу возле дома// – крыжовник и ранет…// Там девы,*

как бурёнки,// торжественно круглы…// Понюхаю герани,// попью густой компот…».

О таком рае в Воркуте мечтают многие, рассчитывая заработать северную пенсию и *«…однажды уехать// от ночи полярной, метели докучной// на юг – собирать в огороде клубнику// и внуков своих угощать…».* Но цепкий Север отпускает неохотно: *«…всё что-то держит…// Порою до смерти – до гостьи незваной.// И тихо лежит патриот Заполярья// в гробу, что отправят в багажном вагоне// к желанному югу, где нету промерзшей// навеки земли…// и можно послушать,// как птицы ликуют, весну принимая…».*

Поэт и сам уже написал свое «Прощание с Воркутой»: *«Я отсюда уеду.// И город поймет мой отъезд.// И простит – и забудет,// до обидного быстро забудет…».* Однако, хотя *«…уже который год среда снедает и округа…»*, задуманный отъезд не удается и ему: *«…Природа изводит меня,// из города гонит меня.// Но больше нигде я не нужен…».* Возможно, именно это чувство и удерживает заполярных патриотов – и гложет тех, кто всё-таки решился совершить свой последний бросок на юг. Тем более в нынешнее немилосердное время.

«В какие, Господи, забрел я неприветливые годы…,» – тихо произносит поэт наедине с собою, Богом и все тем же родным городом, который *«…изменился – поутих, постарел, стал мудрее…// И я тоже, как он, не хочу понимать это время,// где без кроткой молитвы совсем замерзает душа…».*

Вопреки обновлённой пропаганде эти годы, чувствует лирический герой Андрея, отнюдь не порывают связь прошлого с настоящим и будущим: *«Не умирай, мой город! Подожди// – ещё ты нужен. После передышки// вернутся энергичные вожди,// ещё поставят лагерные вышки…».* С учетом этого прошлого неудивительно, что главным объектом авторской иронии становятся современные лозунги. *«Время свободы..,»* – хмуро усмехается поэт, замечая, что *«жители первых этажей стали ставить железные решетки на окна…».* Впрочем, что там внешние наблюдения – у него есть куда более глубокая основа для внутренних: *«Мой дед умер в Абезьлаге…// Мне повезло – созерцаю свободную жизнь.// Чем дольше созерцаю, тем сильнее желание –// повесить дома портрет Сталина…».* И те же самые Большие Колпаны, в конечном счете, становятся райским местом только потому, что в них *«и телевизор сломан, и никаких газет».*

Впрочем, от сползания в прямую политическую риторику автор все-таки чаще всего удерживается, ибо главными приметами времени

для него остаются человеческие чувства. «*Стали люди сгорать, как сухие дрова.// Не выходят у них ни дела, ни слова…//*», – сетует лирический герой, видя: «*…человек – осенний снег, что тает быстро, некрасиво…*». И подводит грустный промежуточный итог и своему жизненному пути: «*Никуда не спешил. Ничего не успел.// Ни решительных слов. Ни значительных дел.// Помечтал, промолчал – и сгорел…*». И, заочно беседуя со старинным, ныне питерским другом, не только ему, но и самому себе адресует опаску: «*…скажут – выдохся поэт,// остался скряга и филолог.// А нам с тобою только сорок,// и сорока-то нету лет…*»

«*Этот грузный старик и эта суетливая женщина с внуком – мои ровесники…*». Да, студёное осознание сорокалетнего рубежа пронзает именно так – хотя и не только. И хотя поэт изредка пишет и о любви, за этой чертой, по его ощущению, теряет свой вдохновляющий смысл даже стремление к познанию мировых глубин: «*…И постиг черновик и последнее дно,// и глубокое небо, и шорох в избе,// и гул времени. Снова изводит одно:// как спокойно и просто сказать о себе…*»

Однако и тяга к самовыражению оказывается суетной: «*Если вдруг доживем до расстрела,// то поставят, товарищ, к стене// нас не за стихотворное дело,// нет, оно не в смертельной цене…*». И дело даже не в нынешнем общественном пренебрежении литературой в частности и теми же человеческими чувствами вообще, из-за которого «*Исключения не будет.// Все сгорит.// И рукописи тоже…*». От другой мысли оторопь: «*Сын мой молиться не умеет.// Кто помянет душу мою?*».

И тогда рождается попытка обратиться к сущностям более долговременным, чем собственное земное существование – Родине и Богу. Первая, кстати, в Воркуте ощущается весьма остро – причем, в ее прежних, имперско-союзных масштабах. Но дело не в том, что этот город в подневольном или вольном состоянии строили выходцы со всей страны и многие – из Донбасса: «*Мой поезд шел по Украине,// на станциях в вагонное окно// порой прохожие глядели –// глядели, словно иностранцы…*». Просто, « *когда чадит ленивое безверие,// то кто-то должен бить в колокола –// и сохранить высокий дух Империи,// а не колониального угла…*», утверждает поэт. И, заключая: «*Все русские дороги ведут в Третий Рим…*», именует себя его гражданином.

Некоторая умозрительность этих строк происходит, возможно, от той же особенности вечной воркутинской мерзлоты, на которой не растут ни хлеб, ни хотя бы картошка. И оттого лирический герой поэта вопреки Писанию даже кротостью не надеется унаследовать землю: «…

безземельный//, кладу земные поклоны –// не умирай во мне, Родина…». Но, стремясь к этой кротости, обращает взор на проходящего монаха: «*…Монах идёт и мир суду// невольному не подвергает,// что все спасутся, полагает,// и лишь ему гореть в аду…»*. И, вспоминая тех, кто, подобно ему, поэту, жаждал духовной пищи и уже ушел с лица земли, раскаивается: «*Их нет уже, а мне поверить трудно…// Характеры упрямы и резки,// искали песню зло и беспробудно// до безысходной гробовой тоски…// А я их знал, и горько удивился,// как увлекает помрачённый пыл,// что никогда о них не помолился,// так по душам и не поговорил…»*

Когда родная земля схвачена льдом и, если не считать оленьего ягеля, практически бесплодна, горечь неизбежна: «*…Нигде не преклонишь главу,// хоть русская даль неоглядна…»*. И лирический герой понимает: «*Серый город, которому имя – тюрьма, стал для меня Вселенной…»*.

И вместе с пониманием, что деваться некуда – вон и те, кто уехал за океан, просят прислать родных ржаных сухарей, приходит смирение: «*Посмотрю на снег в начале мая,// про себя решу, что повезло –// замерзал Овидий на Дунае,// мне у моря Карского тепло…// Не ропщи на местность, как Овидий,// все стерпи до самого конца…»*. И Гераклом себя не воображай – словчить, как он в деле с подпирающим небо Атласом, не удастся: «*…Вдохнёшь лукавой лжи,// а небо и придавит,// спокойнее держи.// Господь нас не оставит…»*.

А сердце все-таки нет-нет да взмолится: «*Не желайте поэту стихов// в наше время глухое,// пожелайте прощенья грехов// и покоя, покоя…»*. И тут же: «*Корпим над стихами, а дни сочтены,// а юные дни не вернутся.// Земные слова нам не очень нужны,// небесные нам не даются…// Молитва отрадна. Оттает душа.// Но жажда стиха остается.// А дни сочтены – исчезают, спеша…// Молчание нам не дается…»*.

Когда молчать не удается, поэзия становится не результатом образования, а сущностью экзистенциальной – способом жить и выжить в нашем немилосердном мире. И тогда, как открывает для себя герой поэта, «*Повеситься нет никакого желания.// Видимо, это и есть счастье…»*.

Полагаю, этим счастьем удовольствуется отнюдь не всякий читатель – тем более тот, который отыскивает в Заполярье и другие, чуть более яркие и всё-таки животворные краски. Однако стихотворцев, способных переложить эти краски на свою поэтическую палитру, в Воркуте сегодня не наблюдается.

2006 г.